
Вопросы теории и истории государства и права

Научная статья

Научная специальность

5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343(470)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.2.3>

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В КЛАССИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОФЕССОРА П. И. А. ФЕЙЕРБАХА

© Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В., 2024

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Рассматриваются уголовно-правовые взгляды одного из основоположников классической школы уголовного права – Пауля Иоганна Ансельма Фейербаха на институт совместного совершения преступления. Отмечается, что идеи профессора Фейербаха легли в основу русской классической школы уголовного права, предопределив на долгие годы подходы российских исследователей к вопросам уголовной ответственности, вменения, состава преступления, целей и задач наказания и, соответственно, к институту совместного совершения преступления как одного из наиболее сложных, противоречивых и запутанных. Определено, что различный образ сцепления причин или побуждений действующего преступного лица позволяет считать его либо виновником самодеятельным, умодетельным, либо непрямо-посредственным (помощником), и если действующие причины порождают главных виновников и главных помощников, то причины побочные, понимаемые сегодня как необходимые условия, способствуют выделению обычных помощников совершения преступления. Сделан вывод о том, что в целом участие нескольких лиц в совершении одного и того же преступления П. И. А. Фейербах называет сообщничеством или совокуплением преступников, при этом автор выделяет практически в современной интерпретации простое и сложное соучастие, предполагающее совместную деятельность соисполнителей в первом случае и исполнителей и иных сложных фигур соучастия – во втором. Отмечается, что П. И. А. Фейербах выделяет и прикосновенность к преступлению, которую именует благоприятствованием. Сделан общий вывод о том, что исследователь комплексно и системно подходил к вопросам совместного совершения преступления, определяя и формулируя базовые положения в Общей части своего главного труда, отдельные виды – в части Особенной.

Ключевые слова: П. И. А. Фейербах, множественность лиц, совместное совершение преступления, умодетельный виновник, помощник, соучастие, классическая школа уголовного права.

PULTURALITY OF PERSONS COMMITTING A CRIME IN THE CLASSICAL CONCEPT OF THE PROFESSOR P. I. A. FEUERBACH

© Georgievskii E. V., Kravtsov R. V., 2024

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

This article examines the criminal legal views of one of the founders of the classical school of criminal law, Paul Johann Anselm Feuerbach, on the institution of joint commission of a crime. The ideas of Professor Feuerbach formed the basis of the Russian classical school of criminal law, predetermining for many years the approaches of Russian researchers to the issues of criminal liability, imputation, corpus delicti, goals and objectives of punishment, and, accordingly, to the institution of joint commission of a crime, as one of the most complex, contradictory and confusing. The different way in which the reasons or motives of an active criminal are linked allows us to consider him either an amateur culprit, an amateur culprit, or an indirect culprit (assistant). And if active causes give rise to the main culprits and main assistants, then secondary causes, understood today as necessary conditions, contribute to the identification of ordinary assistants in the commission of a crime. In general, P. I. A. Feuerbach calls the participation of several persons in the commission of the same crime complicity or copulation of criminals. At the same time, the author identifies, practically in a modern interpretation, simple and complex complicity, which involves the joint activity of co-performers, in the first case, and performers and other complex figures of complicity, in the second. P. I. A. Feuerbach also highlights the involvement in crime, which he calls favor. The authors believe that the researcher took a comprehensive and systematic approach to the issues of joint crime, defining and formulating basic provisions in the general part of his main work, and individual types in the special part.

Keywords: P. I. A. Feuerbach, plurality of persons, joint commission of a crime, intentional culprit, assistant, complicity, classical school of criminal law.

В конце XVIII – начале XIX в. в Европе, и в том числе в России, начинается господствовать эпоха «классической» школы уголовного права. Основу классической школы составили несколько направлений: идеи УК Франции 1810 г.; уголовно-правовые концепции немецких философов-идеалистов Канта и Гегеля; взгляды немецкого юриста П. И. А. Фейербаха и идеи сторонников движения за реформу уголовного права Англии [10, с. 3].

Согласно точке зрения Б. С. Ошеровича, классическая школа уголовного права по своим идеям и внутреннему догматическому содержанию была неоднородной в XVIII и XIX вв. «В основе классической школы уголовного права XVIII в. лежат учения французских материалистов и сенсуализм Локка, в основе же классической школы XIX века – учение немецкого идеализма, учение Канта и Гегеля» [8, с. 99]. Согласно точке зрения А. Б. Баумштейна, идеи классической школы уголовного права конца XVIII – середины XIX в. можно охарактеризовать как «ранний классицизм». С середины XIX в. и до начала века XX продолжался период «зрелого классицизма» [2, с. 70], в развитие которого уже существеннейший вклад внесла и наука уголовного права России.

В настоящей работе мы хотели бы более подробно рассмотреть вопрос формирования идеи о совместном совершении преступления в классической концепции Общей части уголовного права Пауля Иоганна Ансельма Фейербаха. Пауль Иоганн Ансельм Фейербах родился в 1775 г. в селении Хайнихен близ Йены. Получив степень доктора права, основал совместно с Грольманом и Альмедингеном периодическую выходившую «Библиотеку уголовного права». В 1801 г. был назначен профессором Йенского университета. Вскоре затем П. И. А. Фейербах перешел в Киль, где последовательно занимал кафедры права естественного, уголовного, государственного, римского. В 1805 г. приступает к составлению проекта Баварского уголовного кодекса. П. И. А. Фейербах являлся первым из криминалистов, полно и всесторонне разработавшим вопрос о юридическом вменении. В учении о целях и задачах наказания П. И. А. Фейербах являлся представителем теории психического принуждения, которая иначе может быть названа «теорией устрашения» посредством угрозы наказания, содержащегося в уголовном законе. По мнению П. И. А. Фейербаха, каждому преступному побуждению необходимо противопоставить уголовный закон,

угрожающий страданием большим, чем то наслаждение, которого ожидает преступник. Для большинства людей одного психического впечатления, производимого уголовным законом, достаточно; если же преступные побуждения возобладали, то виновный должен быть судим и наказан [3, с. 265; 16, с. 427].

В 1810 г. в России было переведено [14, с. 386] и издано в медицинской типографии Санкт-Петербурга сочинение доктора П. И. А. Фейербаха. Перевод учебника П. И. А. Фейербаха оказал серьезное моральное влияние на русских ученых и способствовал методологическому переходу от комментирования законодательных памятников к научно-догматическому построению уголовного законодательства. Переводчик, согласно данным Г. С. Фельдштейна, не только добавил к работе П. И. А. Фейербаха множество догматических положений, но и ввел в научный оборот большое количество уголовно-правовых терминов, до этих пор неизвестных доктрине русского уголовного права. «Автор этих скромных по внешнему виду прибавлений, – писал Г. С. Фельдштейн, – дал в действительности первую систематизацию наших уголовно-правовых постановлений в таком расположении, которое считалось с их внутренней сущностью, и вместе с тем научное построение материала нашего положительного уголовного законодательства» [14, с. 291–292].

Воззрения П. И. А. Фейербаха коренным образом отличались от точек зрения на совместное совершение преступления предшествующих исследователей эпохи феодального государства, когда господствовал принцип огульного наказания всех соучастников преступления [11, с. 14]. Так, например, предлагал считать соучастниками преступления даже адвокатов Жусс, являвшийся одним из идеологов феодальной юстиции и представителем ортодоксально-феодального уголовного права во Франции [4, с. 9]. Фейербах же, согласно точке зрения А. Н. Трайнина, проблему соучастия разрешил в «общем плане прогрессивных идей, навеянных победами капиталистических отношений над старым, феодальным миром» [11, с. 14]. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить и не очень приятные оценки научного наследия П. И. А. Фейербаха в советской юридической литературе, что, очевидно, во многом вызывалось серьезнейшей политизацией правовой науки в целом и уголовного права в частности [5, с. 22].

Для того чтобы правильно уяснить концепцию совместного совершения преступле-

ния П. И. А. Фейербаха, необходимо прежде обратиться к его трактовке состава преступного деяния. Понимая состав преступления не только с точки зрения уголовно-материальной, но и уголовно-процессуальной, П. И. А. Фейербах предпочтение отдает объективным критериям. Объективность существования уголовно-правового запрета у него взаимосвязана с объективностью факта совершения преступления. Наличие же умысла есть лишь необходимый атрибут запрета определенных умышленных деяний и объективного факта, нарушающего запрет. Объективность критериев уголовной ответственности в прагматической концепции совместного совершения преступления у П. И. А. Фейербаха далеко не случайна. Вот что по этому поводу пишет А. Ю. Ширяев: «Во-первых, состав преступления по П. И. А. Фейербаху определяет только “особенное деяние”, которое запрещено нормами объективного права, т. е. деяние, состав которого описан в позитивной (Особенной) части уголовного права. Во-вторых, состав преступления – совокупность признаков, имеющих объективное выражение, т. е. объективируемых, проявляющихся фактически, познаваемых и доказываемых как факт объективной действительности» [15, с. 55–56].

Еще более категорично по поводу видения П. И. А. Фейербахом состава преступления высказывался А. А. Пионтковский. Он считал, что немецкий ученый к составу преступления относил только лишь объективные элементы и признаки преступного деяния, а вину в форме умысла и неосторожности, которую он отождествлял с субъективной стороной состава преступления, он рассматривал как совершенно отдельное условие уголовной ответственности наряду с составом преступления [7, с. 106–107]. Однако А. А. Пионтковский предостерегает от упрощенного понимания П. И. А. Фейербахом состава преступления исключительно только как объективной конструкции. Вынос вины за пределы состава преступления носил лишь технический характер и никоим образом не влиял на итог – установление всех объективных и субъективных условий уголовной ответственности [7, с. 109–110]. Согласно точке зрения Ф. М. Решетникова, П. И. А. Фейербах и в вопросах наказуемости соучастников отстаивал объективные критерии, полагая, что преступная деятельность подстрекателей и пособников должна наказываться в зависимости от их роли в преступлении [10, с. 34]. А. М. И. Ковалев саму

теорию соучастия П. И. А. Фейербаха называл объективной, так как в основу деления различных соучастников на виды были положены объективные признаки [6, с. 135].

Очевидно, что в свете всего вышесказанного далеко не случайно и название главы, которую П. И. А. Фейербах посвящает вопросам совместного совершения преступления. Она называется «Различный образ сцепления причин или побуждений действующего лица для противозаконного последствия». Автор рассматривает вопросы совместного совершения преступления именно с объективной внешней стороны в первую очередь («сцепление причин») и только во вторую очередь со стороны субъективной («сцепление побуждений»).

Рассуждая о различном образе сцепления причин или побуждений действующего лица для противозаконного последствия, т. е. рассуждая одновременно о субъекте преступления и причинной связи между его действиями и наступившим преступным результатом, П. И. А. Фейербах называет такое лицо виновником, несмотря на тот факт, непосредственной ли причиной результата является такое лицо или посредственной, главное, чтобы она являлась причиной действующей (т. е. собственно причиной определенного наступившего результата). В первом случае лицо само непосредственно совершает преступление (это физический или самодеятельный виновник). Во втором случае возможны два варианта: а) лицо умышленно «наклоняет» волю другого для совершения преступления, в этом случае виновник именуется прямо-посредственным или умодетельным; б) лицо устраняет препятствия («отвращает препоны»), при наличии которых лицо, воля которого уже была наклонена к совершению преступления, не способно совершить преступление самостоятельно – это непрямо-посредственный виновник или главный помощник [12, с. 42–43].

Интересным в этой связи представляется замечание Н. С. Александровой и Н. В. Баранкова. Авторы полагают, что умодетельный виновник, согласно П. И. А. Фейербаху, подлежит более строгому наказанию, так как именно в его деятельности лежит главное основание совершения преступления. Более того, должна меняться в зависимости от формы воздействия на физического исполнителя и наказуемость действий умодетельного виновника. Однако в работе Фейербаха нет какого-либо разграничения между подстрекательством и посредствен-

ным причинением, а значит, и подстрекатель, и посредственный причинитель в равной степени являются авторами преступления [1, с. 147].

Наряду с существованием действующей причины имеются причины побочные (то, что понимается сегодня как необходимое условие). А лица, которые руководствуются побочной причиной и только лишь способствуют наступлению преступного результата, являются помощниками совершения преступления. Помощники – те, кто принимает участие в совершении преступления, но своими деяниями не причиняют непосредственного преступного результата. Содействие помощника виновнику состоит в облегчении возможной деятельности последнего. Выразаться это может в трех вариантах: а) в содействии в совершении самого преступления; б) получении выгод от преступления; в) обеспечении безопасности после совершения преступления («от законных следствий дела»). При этом главным моментом является разновременное оказание помощи (до, во время или после совершения преступления) и либо физическое оказание такой помощи, либо заранее данное обещание такую помощь оказать [12, с. 47]. Здесь необходимо обратить внимание на один очень важный момент в работе автора, в котором он отличает интеллектуального пособника от подстрекателя. «Помощник по обнаружению сил душевных» может быть только тогда, когда воля виновника уже «наклонена к делу». То есть речь идет о том, что интеллектуальный пособник не склоняет другое лицо к совершению преступления, в отличие от подстрекателя [12, с. 48].

Помощник может быть как положительным, т. е. когда он способствует совершению преступления активными действиями, либо отрицательным, когда он «противодействующим упущением споспешествует делу другого» [12, с. 47–48]. Действия помощника, помимо прочего, могут быть непосредственной ближайшей помощью или посредственной отдаленной помощью. В первом случае в качестве примера П. И. А. Фейербах приводит пример с держанием жертвы, когда виновник ее убивает. Во втором случае в качестве примера приводится помощь в виде сообщения информации о местонахождении жертвы. Очевидно, что во втором случае речь действительно идет об интеллектуальном пособничестве в виде передачи информации, а вот ситуация с первым примером в современном уголовном праве рассматривается как действия соисполнителя.

Помощник, согласно теории соучастия П. И. А. Фейербаха, может также обладать или не обладать специальными признаками. Особенный помощник – это тот, кто обладает теми же специальными признаками, что и исполнитель (виновник). При отсутствии таких специальных признаков помощник признается общим [12, с. 49–50]. Нужно отметить, что в современном уголовном праве России такое выделение специальных признаков для пособника не является актуальным. Пособник, будучи лишь физическим вменяемым лицом, достигшим соответствующего возраста, в соответствии со ст. 34 УК РФ может нести ответственность и за соучастие в преступлении, объективную сторону которого может выполнить только специальный субъект.

В целом участие нескольких лиц в совершении одного и того же преступления П. И. А. Фейербах называет сообщничеством или совокуплением преступников. Исследователь определяет два вида соучастия. Во-первых, совместное совершение преступления соисполнителями и, во-вторых, совместное совершение преступления исполнителями (соисполнителями) и помощников. То есть фактически речь идет о выделении простого и сложного видов соучастия в современном понимании. При этом простое соучастие, в свою очередь, подразделяется на участие, в котором все соисполнители в полном объеме выполняют объективную сторону состава преступления, и на соучастие, при котором действия соисполнителей являются взаимообусловленными, т. е. когда каждый из соисполнителей выполняет только соответствующую часть объективной стороны состава преступления [12, с. 44].

Сложное соучастие также дифференцируется П. И. А. Фейербахом на два подвида. Во-первых, если умодетельные виновники участвуют в совершении преступления путем дачи советов, приказов, препоручений или угроз, а самодеятельные виновники выполняют при этом объективную сторону состава преступления, то такой подвид сложного соучастия называется единосторонним или несмешанным. Как полагает А. А. Пионтковский, наказуемость в данном случае подстрекательства должна меняться в зависимости от формы подстрекательства. Подстрекательство в форме приказа должно наказываться строже, чем, например, подстрекательство в форме совета [9, с. 115].

Во-вторых, если и умодетельные виновники соучаствуют с самодеятельными в качестве как

побуждаемых, так и побуждающих (т. е., очевидно, оказывают взаимное воздействие друг на друга), то тогда это сговор или заговор.

Заговор П. И. А. Фейербах определяет как ситуацию, при которой «многие по взаимному обещанию друг другу помощи, согласятся общественно учинить преступление и обяжутся общественно произвести оное в действо». Заговор исследователем понимается в двух аспектах. Во-первых, сам факт осуществления сговора превращает лицо в умодетельного виновника, который становится таковым, хотя еще и не принял участия в совершении какого-либо преступления. Во-вторых, в том случае, когда вступление в заговор лица осуществляется с целью участия не в одном преступлении, а в нескольких, такой заговор именуется шайкой [12, с. 46].

Выделяет П. И. А. Фейербах и прикосновенность к преступлению, которую называет благоприятствованием. Благоприятствовать преступлению может тот, кто после совершения преступления заведомо принял в нем участие. Благоприятствование может осуществляться следующими способами: а) добровольным принятием участия в выгодах дела; б) через сокрытие или покупку предметов, добытых преступным путем; в) сокрытием самого преступника [12, с. 50].

Нужно сказать, что П. И. А. Фейербах рассматривал вопросы совместного совершения преступления не только в первой книге, которая называлась «Философическая или всеобщая часть уголовного права», но и во второй – «Положительная или особенная часть уголовного права» применительно к отдельным видам преступлений. Однако во введении П. И. А. Фейербах делает существенную оговорку о том, что знания о преступлениях особенных могут быть почерпнуты исключительно из самих законов или интерпретированы путем толкования последних. Будучи членом-корреспондентом Российской Императорской комиссии о составлении законов Комиссии, он приводил в сносках примеры законодательства, не только российского, но и римского, а также немецкого.

Так, добровольный отказ от участия в заговоре, направленном на государственную измену, одним из участников, выраженный в явке с повинной, мог являться основанием от освобождения от наказания и, возможно, даже предполагал награду [13, с. 12]. Такому же наказанию, как и исполнитель фальшивомонетничества, подлежали и соисполнители, а также непосредственные помощники. К ним, в част-

ности, относились те, кто от фальшивомонетчика брал фальшивые деньги и реализовывал их как настоящие, достоверно зная об этом, а также те, кто, ведая об этом, не донесли начальству или кто предоставил свой дом для фальшивомонетничества. В этом случае дом, как и конфискованная фальшивая монета, подлежал передаче казне [13, с. 23–24]. Заговор мог быть приготовлением к бунту. В бунте могут быть выделяемы зачинщик (возмутитель), т. е. лицо, организовавшее бунт (создавшее скопище), и лицо, руководившее скопищем. Этих лиц, в свою очередь, необходимо отличать от простых бунтовщиков – участников скопища, которые должны наказываться менее строго [13, с. 42–46]. Рассматривались вопросы соучастия П. И. А. Фейербахом и применительно к убийству. Выделялись нанимающий и нанимаемый (подкупленное убийство), отдавший приказ на убийство и выполнивший приказ (порученное убийство).

Особого внимания заслуживает вопрос назначения наказания за убийство, совершенное в соучастии. Так, если при убийстве наряду с самодеятельным виновником действует виновник умодетельный, то оба они подлежат одинаковому наказанию. Если умысел умодетельного виновника был направлен на причинение вреда здоровью, а физический виновник причинил смерть, то подобное должно рассматриваться по правилам эксцесса исполнителя – за смерть отвечает только физический виновник [13, с. 64].

Интересными представляются и рассуждения П. И. А. Фейербаха относительно случаев совместного причинения смерти при убийстве, которые не относятся к соучастию. «Ежели многие независимо один от другого (следовательно, без предварительного соумышления), – пишет исследователь, – действовали при убийстве, и 1) только один убиенного смертельно ранил: то по правилу сего одного как убийцу казнить должно смертью (отсечь голову); а буде 2) убиенный от многих получил раны, из коих каждая особо смертельна, тогда а) ранивший напоследок казнен быть имеет отсечением головы, а прочие подвергаются чрезвычайному наказанию; б) буде же неизвестно, кто именно причинил смертельную рану, то должно употреблять произвольные наказания. 3) Если нанесенные многими раны только в совокупности их смертельны, тогда все терпят чрезвычайное наказание» [13, с. 65–66].

Одинаково с исполнителями похищения людей наказывались и помощники [13, с. 97]. В

сводничестве как плотском преступлении сам сводник, по мнению П. И. А. Фейербаха, являлся только помощником, хотя состав преступления был сконструирован таким образом, что сводник в конечном итоге являлся исполнителем, который должен был наказываться значительно строже, чем те, кто участвовал в нем [13, с. 306–307].

Рассматривая в целом вопрос о наказуемости соучастников, П. И. А. Фейербах считает, что в целом пособники подлежат меньшему наказанию, нежели исполнители, потому что их действия заключают в себе меньшую опасность для нарушения права. Подстрекатель же, наоборот, подлежит большей ответственности, чем физический исполнитель [9, с. 115]. А. Н. Трайнин отмечает, что, согласно учению о совместном совершении П. И. А. Фейербаха, пособник также не мог отвечать за покушение на преступление, так как не мог сам довести преступление до конца [11, с. 15].

Взгляды П. И. А. Фейербаха на множественность лиц, участвующих в совершении преступления, носили, по преимуществу, объективный характер. Это с неизбежностью вытекало из более общего подхода исследователя к норме в целом и составу преступления в частности. Норма, будучи, по существу, объективной, в первую очередь нарушалась объективными действиями участвующих в совершении преступления как явления также объективной действительности. Однако субъективная сторона также имела важное значение, рассматривалась как обязательное условие уголовной ответственности, хотя и во вторую очередь. Объективные критерии ложились в концепции П. И. А. Фейербаха и в основание разделения ролей соучастников, предопределяя условия их наказуемости. Исследователь комплексно подходил к вопросам совместного совершения преступления, рассматривая не только базовые понятия в Общей части уголовного права, но и отдельные случаи в Особенной части. Им также достаточно подробно прорабатывался вопрос об особенностях наказуемости лиц, совместно участвующих в преступлении.

Вклад в российскую науку уголовного права П. И. А. Фейербаха сложно переоценить. Его учебник, который цитируют на протяжении вот уже более двухсот лет, не потерял своей актуальности и сегодня, особенно в части таких сложных и противоречивых вопросов, как вопросы института соучастия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Н. С., Баранков Н. В. Уголовно-правовая оценка посредственного исполнения преступления в зарубежном уголовном праве // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2001. № 4 (17). С. 146–155.
2. Баумштейн А. Б. Классическая школа уголовного права: этапы исторического развития // Закон и право. 2013. № 12. С. 69–70.
3. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1977. Т. 27 : Ульяновск – Франкфорт. 624 с.
4. Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 320 с.
5. Исаев М. М. К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права в первой половине XIX века: доклад, сделанный в Военно-юридической академии в апреле 1946 г. М. : Тип. Воен.-юрид. акад., 1947. 36 с.
6. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1. Понятие соучастия. Свердловск : [Б.и.], 1960. 286 с.
7. Курс советского уголовного права. Часть общая. В 6 т. Т. 2 / редкол.: А. А. Пионтковский [и др.]. М. : Наука, 1970. 516 с.
8. Ошерович Б. С. Чезаре Беккариа // Советское государство. 1938. № 4. С. 93–102.
9. Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 191 с.
10. Решетников Ф. М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 1. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. М. : Изд-во Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1965. 70 с.
11. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 158 с.
12. Фейербах П. И. А. Уголовное право. СПб. : В мед. тип., 1810. 329 с.
13. Фейербах П. И. А. Уголовное право. Книга вторая, содержащая положительную или особенную часть уголовного права: с приложением российских уголовных законов, к каждому преступлению порознь относящихся. СПб. : В тип. Гос. коммерц-коллегии, 1811. 330 с.
14. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. 542 с.
15. Ширяев А. Ю. Учение о составе преступления в прагматической концепции уголовного права П. А. Фейербаха // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 53–61.
16. Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского. Санкт-Петербург: Типография Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. 35 : Усинский пограничный округ – Фенел. 491 с.

REFERENCES

1. Aleksandrova N.S., Barankov N.V. *Ugolovno-pravovaya ocenka posredstvennogo ispolneniya prestupleniya v zarubezhnom ugolovnom prave* [Criminal legal assessment of mediocre execution of a crime in foreign criminal law] *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii* [Scientific notes of the Saint Petersburg branch named after V.B. Bobkov of the Russian Customs Academy], 2001, no. 4 (17), pp. 146-155. (in Russian)
2. Baumshtein A-B. *Klassicheskaya shkola ugolovnogo prava: etapy istoricheskogo razvitiya* [Classical school of criminal law: stages of historical development] *Zakon i pravo* [Law and Law], 2013, no. 12, pp. 69-70. (in Russian)
3. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia: Chapter]. ed. A.M. Prokhorov. Vol. 27: Ulyanovsk – Frankfurt. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1977. 624 p. (in Russian)
4. Gertsenzon A.A. *Problema zakonnosti i pravosudiya vo francuzskih politicheskikh ucheniyah XVIII veka* [The problem of legality

and justice in French political doctrines of the 18th century]. Moscow, Publishing House Acad. Sciences of the USSR, 1962, 320 p. (in Russian)

5. Isaev M.M. *K voprosu o politicheskoy ocenke idej klassicheskoy shkoly ugolovnoy prava v pervoy polovine XIX veka* [On the question of the political assessment of the ideas of the classical school of criminal law in the first half of the 19th century]: a report made at the Military Law Academy in April 1946. Moscow, Printing house of the Military Law Academy, 1947, 36 p. (in Russian)

6. Kovalev M.I. *Souchastie v prestuplenii. CHast 1. Ponyatie souchastiya* [Complicity in crime. Part 1. The concept of complicity]. Sverdlovsk, 1960, 286 p. (in Russian)

7. *Kurs sovetskogo ugolovnoy prava. CHast obshchaya* [Course of Soviet criminal law: Crime. General part]. In 6 vols. Vol. 2. Editorial team: Piontkovsky A.A., et al. Moscow, Nauka Publ., 1970, 516 p. (in Russian)

8. Osherovich B.S. *CHezare Bekkaria* [Cesare Beccaria]. *Sovetskoe gosudarstvo* [Soviet State], 1938, no. 4, pp. 93-102. (in Russian)

9. Piontkovsky A.A. *Ugolovno-pravovye vozzreniya Kanta, A. Fejrbaha i Fichte* [Criminal legal views of Kant, A. Feuerbach and Fichte]. Moscow, Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1940, 191 p. (in Russian)

10. Reshetnikov F.M. *Ugolovnoye pravo burzhuaznykh stran. Vyp. 1. Prosvetitelno-gumanisticheskoye napravlenie v ugolovnoy prave* [Criminal law of bourgeois countries. Iss. 1. Educational and humanistic direction in criminal law]. Moscow, Publishing House of the Peoples' Friendship University named after. Patrice Lumumba, 1965, 70 p. (in Russian)

11. Trainin A.N. *Uchenie o souchastii* [The doctrine of complicity]. Moscow: Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1941, 158 p. (in Russian)

12. Feuerbach P.I.A. *Ugolovnoye pravo* [Criminal law]. Saint Petersburg, In medical printing house, 1810, 329 p. (in Russian)

13. Feuerbach P.I.A. *Ugolovnoye pravo. Kniga vtoraya, sodержashchaya položitelnyuyu ili osobennuyu chast' ugolovnoy prava: s prilozheniem rossijskikh ugolovnykh zakonov, k kazhdomu prestupleniyu porozn otnosyashchihsiya* [Criminal law. Book two, containing the positive or special part of criminal law: with the application of Russian criminal laws, separately related to each crime]. Saint Petersburg, Type State Commerce Collegium Publ., 1811, 330 p. (in Russian)

14. Feldshtejn G.S. *Feldshtejn G.S. Glavnye techeniya v istorii nauki ugolovnoy prava v Rossii* [Main trends in the history of the science of criminal law in Russia]. Ed. and with a preface V. A. Tomsinova. Moscow, Zertsalo Publ., 2003, 542 p. (in Russian)

15. Shiryaev A.Yu. *Uchenie o sostave prestupleniya v pragmaticheskoy koncepcii ugolovnoy prava P.A. Fejrbaha* [The doctrine of the composition of a crime in the pragmatic concept of criminal law by P.A. Feuerbach]. *Rossiyskoye pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian law: education, practice, science], 2022, no. 6, pp. 53-61. (in Russian)

16. *Enciklopedicheskij slovar* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 35. Usinsk border district – Fenol]. Ed. by I.E. Andreevsky. Saint Petersburg, Brockhaus-Efron Printing House, 1902, 491 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 08.05.2024.

Received on 11.02.2024; approved on 26.02.2024; accepted for publication on 08.05.2024.

Георгиевский Эдуард Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0001-8811-937X, РИНЦ AuthorID: 525295, ResearcherID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Кравцов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0001-5597-269X, РИНЦ AuthorID: 355169, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Georgievskiy Eduard Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-8811-937X, RSCI AuthorID: 525295, ResearcherID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Kravtsov Roman Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-5597-269X, RSCI AuthorID: 355169, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Вклад авторов

Георгиевский Эдуард Викторович – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, работа с нормативными актами и методическими материалами, редактирование статьи, написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.

Кравцов Роман Владимирович – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, работа с нормативными актами и методическими материалами, редактирование статьи, написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.